

БРАК ПО ПРИНУЖДЕНИЮ,
ВОЙНА МЕЖДУ СЕМЬЯМИ,
ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ СОЖЖЕТ ДО ТЛА

КЛЯТВА ИЗ ПЕПЛА

LINA KAUFMAN

18+

Lina Kaufman

Клятва из пепла

«Автор»

2026

Kaufman L.

Клятва из пепла / L. Kaufman — «Автор», 2026

Иногда судьба связывает двух людей не потому, что они любят друг друга. А потому что только вместе они смогут пережить то, что уничтожит остальных. Она вошла в его дом как пленница. Он встретил ее как врага. Но иногда достаточно одного взгляда, чтобы вся ненависть начала трещать по швам.

© Kaufman L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена перемирия	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Lina Kaufman

Клятва из пепла

Глава 1. Цена перемирия

Кабинет отца пах сигарами, старой кожей и деньгами — тем особенным запахом власти, что въедается в стены дома, где решения принимаются мужчинами, а расплачиваются за них женщины. Я знала этот запах с детства. Знала его так же хорошо, как знала скрип третьей ступеньки на лестнице, ведущей в мою комнату, или то, каким тоном отец произносит имена людей, которых собирается уничтожить.

Сегодня он произнёс моё имя этим же тоном.

Я стояла посреди комнаты, в которой провела детство. Разговоры взрослых обрывались всякий раз, стоило мне войти сюда ребёнком — а потом, когда я выросла, стали обрываться ещё быстрее, потому что взрослая дочь опаснее ребёнка: она понимает, что слышит.

Часы на стене — тяжёлые, антикварные, доставшиеся деду ещё с Сицилии — отсчитывали секунды с той же безучастностью, с какой отец только что перечеркнул моё будущее. Тик. Тик. Тик. Каждый звук отдавался в моих висках громче предыдущего, будто пытался вбить в меня понимание того, что я уже услышала, но ещё отказывалась принять.

— Ты выходишь замуж за Винченцо Моретти, — произнёс он, не поднимая глаз от бумаг, разложенных на массивном столе красного дерева. Таким тоном обычно говорят о поставке вина. О сроках. О логистике. — Церемония через три недели.

— Ты издеваешься, — сказала я, хотя знала ответ ещё до того, как произнесла эти слова.

Сальваторе Романо не шутит. Это одна из немногих истин в мире, где ложь была валютой, а верность — товаром на продажу. Мой отец не умел шутить точно так же, как не умел проигрывать: это было органически невозможно для человека, построившего империю на страхе.

— Это конец войне, Елена. — Он наконец поднял на меня взгляд, и в его тёмных глазах я увидела не жестокость, а нечто более пугающее: холодную, расчётливую убеждённость человека, для которого моя жизнь была лишь одной из многих переменных в уравнении власти. — Тебе двадцать четыре. Пора повзрослеть и понять, чего стоит наша фамилия.

Война. Красивое слово для полутора лет непрекращающихся похорон. Для тишины, поселившейся в нашем доме с тех пор, как моего брата Марко нашли в багажнике его собственной машины на окраине города. Тело оставили там намеренно — с расчётливой жестокостью послания, адресованного всей нашей семье.

Я помню тот день с той тошнотворной ясностью, с какой помнят автомобильные аварии и предательства. Телефонный звонок в два часа ночи. Голос матери — тонкий, срывающийся, не похожий на её обычный голос. Отец, стоящий у окна спиной ко всем нам, будто если не поворачиваться, новость перестанет быть правдой.

Марко было тридцать один. Он должен был жениться следующей весной на девушке, которую любил вопреки желаниям семьи — редкая, почти абсурдная роскошь для наследника клана Романо. Вместо свадьбы у него были похороны, на которые пришёл весь преступный мир восточного побережья, чтобы засвидетельствовать: Романо потерпели поражение.

— Ты выдаёшь меня за человека, который убил Марко, — произнесла я, и голос предательски дрогнул на последнем слове, хотя я всю дорогу от своей комнаты репетировала, как сохранить непроницаемое спокойствие.

— Моретти не признал своей вины. — Отец снова опустил взгляд на документы, словно разговор был окончен, а мои боль и ярость — лишь досадная помеха среди более важных дел. — И перемирие держится на этом браке. Ты сделаешь это ради семьи.

Семья. Ещё одно слово, потерявшее для меня всякий смысл в тот момент, когда я поняла: семья — это не то, ради чего защищают друг друга. Семья — это то, ради чего продают дочерей, как разменную монету на переговорах между волками, притворяющимися людьми.

— А что, если я откажусь? — спросила я, хотя знала, что вопрос риторический.

Отец наконец отложил ручку. Посмотрел на меня так, как смотрят на инвестицию, внезапно давшую сбой.

— Тогда твоя мать похоронит второго ребёнка в этом году, только на этот раз это будет война, которую мы не выиграем. Моретти сильнее нас сейчас, Елена. Их армия больше. Их связи с политиками глубже. Единственное, что удерживает их от того, чтобы стереть нас с лица земли, — это возможность мира через твой брак. Ты хочешь, чтобы твоя мать потеряла обоих детей?

Удар был рассчитан идеально — в самое уязвимое место. Я подумала о матери, о том, как она постарела на десять лет за полтора месяца после смерти Марко, о морщинах вокруг её глаз, появившихся не от возраста, а от бессонных ночей.

— Когда я его увижу? — спросила я вместо ответа.

— Сегодня. Он будет здесь через час.

Час. У меня был всего час, чтобы примириться с мыслью о том, что человек, забравший у меня брата, — человек, чьё имя моя семья произносила с той же интонацией, с какой произносят имя дьявола, — через три недели станет носить моё имя рядом со своим. Что он получит право прикасаться ко мне. Спать рядом со мной. Делить со мной каждый рассвет до конца моих дней.

Я поднялась к себе, ноги едва слушались меня на каждой ступеньке широкой мраморной лестницы, я остановилась перед зеркалом в своей комнате — единственным свидетелем, которому я позволяла видеть себя настоящую, без брони иронии и холодного спокойствия, которую надевала для остального мира.

Женщина, смотревшая на меня из зеркала, не плакала. Она никогда не плакала там, где это могли увидеть.

Но внутри неё бушевал шторм, который, я подозревала, только начинал набирать силу.

Я села на край кровати и попыталась дышать. Просто дышать. Вдох на четыре счёта, задержка на четыре, выдох на четыре — техника, которой меня научил школьный психолог много лет назад, когда я была девочкой, ещё не научившейся прятать эмоции так хорошо, как научилась теперь. Но техника не работала. Каждый вдох приносил новую волну паники, каждый выдох — новую волну ярости.

Марко. Мой Марко, с его дурацкими шутками и абсурдной привычкой насвистывать оперные арии не в такт. Марко, который был единственным в этой семье, кто разговаривал со мной как с человеком, а не как с активом. Мёртв. И теперь я должна была выйти замуж за человека, чья семья его убила — по крайней мере, так все считали, так шептались на каждом похоронах, на каждой поминальной службе, — и притворяться, что это часть какого-то высшего блага.

Раздался стук в дверь. Мягкий, извиняющийся стук — это могла быть только мать.

— Войди, — сказала я, поспешно вытирая глаза, хотя слёз не было. Только сухая, царапающая боль в горле.

Мать вошла и остановилась в дверях, будто не была уверена, что имеет право войти дальше. В её руках была шкатулка — старая, потёртая по краям, с гравировкой инициалов на крышке.

— Это принадлежало моей матери, — сказала она тихо, протягивая мне шкатулку. — Я хотела, чтобы это было у тебя перед... перед всем этим.

Внутри лежало простое золотое кольцо с маленьким сапфиром — не помолвочное, не свадебное, просто украшение, которое, судя по всему, значило для моей бабушки нечто личное, нечто не связанное с политикой кланов.

— Она носила его каждый день, — продолжила мать. — Даже после того, как вышла замуж за твоего деда по расчёту. Она говорила мне, что это единственная вещь, которая напоминала ей, что она — не только жена Дона Романо. Что где-то внутри неё всё ещё жила девушка с собственными мечтами.

Я взяла кольцо, почувствовала его тяжесть на ладони.

— Ты хочешь сказать мне, что это тоже станет моей судьбой? Раствориться в чужом имени, пока не останется ничего своего?

— Я хочу сказать тебе, — мать взяла мои руки в свои, — что ты сильнее, чем была я. Ты всегда была сильнее. Найди способ остаться собой. Что бы ни случилось.

После её ухода я долго сидела, вертя кольцо между пальцами, пытаюсь найти в её словах утешение и не находя его. Найти способ остаться собой — как будто это было просто. Как будто мир, в который меня толкали, оставлял хоть какое-то пространство для того, чтобы оставаться собой.

Он вошёл в дом моего отца так, будто дом принадлежал ему. Не наоборот. С той естественной уверенностью человека, привыкшего, что пространство подстраивается под него.

Я наблюдала за его прибытием из окна второго этажа — трусливая позиция, я знала это, но мне нужна была эта секунда преимущества, эта возможность изучить врага прежде, чем он изучит меня.

Три чёрных внедорожника. Восемь человек охраны, не считая водителей. И он — выходящий из среднего автомобиля с той неторопливой грацией человека, которому некуда спешить, потому что весь мир и так ждёт его расписания.

Первое, что я почувствовала, увидев Винченцо Моретти даже с такого расстояния, — не страх, хотя, вероятно, должна была. Что-то более сложное. Острое, почти физическое осознание того, насколько плотно он заполняет собой воздух вокруг, даже с высоты второго этажа, даже через стекло.

Он был высок — выше, чем я представляла по обрывочным описаниям, которые ловила краем уха в разговорах взрослых на протяжении последних полутора лет. Тёмный костюм сидел на нём так, будто портной снимал мерки не с тела, а с самой опасности, которую этот человек представлял.

Я спустилась вниз, когда меня позвали, каждый шаг по лестнице казался маршем на эшафот.

Он стоял в главной гостиной вместе с моим отцом, и вблизи впечатление лишь усилилось — тёмные волосы, зачёсанные назад с идеальной аккуратностью, глаза цвета старого виски — того сорта, что обжигает горло прежде, чем ты успеваешь понять, что уже сделал первый глоток. Резкие, породистые черты лица, которые в любом другом контексте я бы назвала красивыми, если бы позволила себе такую роскошь мысли.

Он смотрел на меня оценивающе, спокойно, как смотрят на актив, который необходимо изучить перед подписанием контракта.

— Синьорина Романо, — произнёс он, и в его глубоком голосе не прозвучало ни намёка на извинение, ни капли той вины, которую я так отчаянно жаждала услышать. — Наконец-то.

— Не думаю, что "наконец-то" — подходящее слово для человека, которого выдают замуж за убийцу собственного брата, — ответила я, вложив в голос столько яда, сколько смогла собрать за несколько секунд.

Отец за моей спиной резко втянул воздух — явно ожидал более покорного приветствия. Но Винченцо лишь чуть склонил голову набок, будто мой ответ его заинтересовал, а не оскорбил.

Что-то мелькнуло в его лице — не вина, нет. Что-то более острое и быстрое, промелькнувшее и тут же спрятанное за маской ледяного спокойствия прежде, чем я успела разобрать его истинную природу.

— Я не убивал вашего брата, — сказал он тихо, но твёрдо.

— Конечно, нет, — отозвалась я сладким голосом, каким обычно разговаривают со змеями перед тем, как отступить на безопасное расстояние. — Просто он погиб случайно, ровно в тот момент, когда ваша семья решила поставить точку в территориальном споре.

Он подошёл ближе — не настолько, чтобы это выглядело угрозой для наблюдателей, замерших у стен комнаты, но достаточно, чтобы воздух между нами стал плотнее, наэлектризованным той опасной энергией, что предвещает бурю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.